

УДК

**К ВОПРОСУ О «МИФИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ»:
«ДО-РЕФЛЕКТИВЕН» ЛИ МИФ?**

© 2010 г.

В.В. Беляров

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

belyaroff2011@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.06.2010

С рационалистической точки зрения рассматривается генезис «мифичности». Предлагается гипотеза, апеллирующая к утверждению А.Ф. Лосева, что миф «до-рефлективен». По мнению автора статьи, такое представление о мифе лишает его мыслимого источника. Положение, что миф первичнее рефлексии, должно приводить к выводу, что мифотворчество имеет сверхъестественное происхождение. Или – миф порождает самого себя. Первое подразумевает т.н. «псевдоним бога», второе – абсурдно. Принципиально иная позиция по отношению к происхождению мифа принуждает ввести оригинальную терминологию. Попытка придать (или «вернуть») происхождению мифа «естественность» приводит к пониманию, что его природа *от-рефлективна*. Иными словами, миф является следствием и, так сказать, отрицанием *симптоматики рефлексивности*. Возможно, такая симптоматика исходно присуща человеку разумному. Но становясь средством борьбы с симптомами рефлексии, миф парадоксальным образом приводит к ее интенсификации. Это представляется одним из положений, трактующих собственно культурное развитие.

Ключевые слова: миф, до-рефлективный, от-рефлективный, симптоматика рефлексивности.

Обоснование гипотез, связанных с исследованием сознания первобытного человека, является сферой приложения усилий многих ученых. До недавнего времени одним из способов добывания относительно достоверных сведений по этой проблеме было обращение к мифологии. Сегодня ряд предположений в этой области могут быть подкреплены привлечением современных достижений естественных наук. Мы имеем в виду прежде всего изучение головного мозга, химию и генетику. Для краткости, однако, будем здесь эти естественно-научные влияния на происхождение нашего тезиса об истоках мифа только подразумевать.

Полемическая позиция оригинального тезиса, представляемого автором, не являет собой новизну, но, с другой стороны, не стала и триумфом. Смысл этой позиции раскрывается в несогласии с давним утверждением выдающегося русского философа А.Ф. Лосева, что миф «до-рефлективен» [1, с. 102, 107]. Автор статьи склонен предполагать о происхождении мифа нечто принципиально корректирующее данный взгляд. А именно, что миф, прежде чем он оказывается «сам по себе совершенно нерелективен и опытно-непосредствен» [1, с. 151], пережил такое становление, которое правильнее назвать *от-рефлективным*. И становится очевидным поэтому, что мы хотим «дать себе труд понять предысторию мифа» [2, с. 13]. Разумеется, что в статье это будет реализовано, в основном, тезисно.

Для большей ясности обозначим сразу и отличие используемых методологических положений. Одно из них с двадцатого века стало общим местом для большинства западноевропейских исследователей [2, с. 11]. Однако подход А.Ф. Лосева, декларируемый в «Диалектике мифа», основополагающей его мысли, близок названным взглядам. «Миф должен быть взят как *миф*, без сведения его на то, что не есть он сам. <...>. Не зная, что такое миф сам по себе, не можем говорить и об его жизни в той или другой *иноприродной* среде. Надо сначала стать на точку зрения *самой* мифологии, стать самому мифическим субъектом» [1, с. 32].

Это суть *метод погружения*. Критику этого подхода, который, несмотря на его распространенность в научном мире, трудно, на наш взгляд, назвать научным методом, мы давать в статье не имеем возможности. Скажем только, что он оказался, по-видимому, закономерной реакцией на «сказочные» и им подобные представления о природе мифа, бытовавшие и в девятнадцатом веке, в частности.

В то же время само намерение А.Ф. Лосева понять миф изнутри принято нами полностью. Э. Кассерер писал по тому же поводу, что «сознанию, чтобы справиться с мифом, не достаточно просто выдворить его за свои пределы. Оно в состоянии преодолеть только то, что прежде постигло в его своеобразном содержа-

нии и в соответствии с его специфической функцией» [3, с. 11].

Поэтому обнаружим сейчас же тот методологический принцип, какой близок нам. «Концепция философской антропологии выбирает, по-моему, единственно *корректный* путь объяснения источников истории человечества – путь от конкретного к абстрактному, т.е. от *результатов к началам*» (курсив наш. –В.Б.) [4, с. 424].

При этом под «результатами» мы склонны понимать в данном случае, с одной стороны, *сознание* современного человека и, в то же время, с другой – миф, или т.н. «мифическое сознание», приписываемое А.Ф. Лосевым, правда, с некоторыми оговорками, человеку, который условно называется первобытным. Так вот смысл нашего несогласия с данной концепцией раскрывается, кроме прочего, и в том, что в «Диалектике мифа» «началом», в конце концов, выступает именно это «мифическое сознание». И одной из немаловажных причин нашей неудовлетворенности такого рода «началами» становятся довольно явно наблюдаемые в них признаки т.н. «псевдонима бога» и «акта».

Существует также леви-стросовский метод структурной антропологии. Не вдаваясь сейчас в детали, скажем, что он, как нам представляется, сводит воедино обе указанные нами исследовательские установки.

Нас интересует в первую очередь именно то *сознание*, в котором мифы создавались, а не то *мировоззрение*, которое потом их воспроизводило бесчисленное количество раз. То есть речь о той стадии развития собственно сознания, которую можно охарактеризовать, допустим, как «туман мифической древности» [5, с. 10]. Таким образом, под от-рефлексивным генезисом мифа подразумевается, что процесс создания последнего проходил не в какой-то поздней *теоретической градации* сознания, а в сознании как таковом. Иными словами, применяя принятый нами метод, можно предположить то, что мы бы назвали *симптоматикой рефлексивности* у первобытного человека, т.е. что последняя исходно присуща Homo sapiens.

Мифы как всякая форма выражения собственно сознания представляют собой репрезентирующую редукцию, в то же время служа развитию этого сознания, не парализуя инициативу человека, «открывают все новые перспективы его изобретательному уму» [2, с. 142]. Вот как, на наш взгляд, проявляется диалектика мифа в действительности. А т.н. безальтернативность «мифического мышления» зиждилась не только на склонности собственно сознания к педантиз-

му, поклонению и заикливанию, а более, пожалуй, на авторитарно удерживаемом мировоззрении.

Само *следование* мифам в исполняемых ритуалах и поддержание тем самым убежденности в незыблемости раз и навсегда установленных сверхъестественными силами правил производилось жрецами и колдунами – обычно наиболее консервативной, буквально *озадаченной*, но редко честной и не всегда самой креативной верхушкой сообщества. Как пишет, например, М.К. Петров, жрецы «имели дело с отклонениями от традиционной нормы и заняты были уничтожением этих отклонений» [6, с. 97].

Позволив себе заговорить о колдунах, и, следовательно, о магии, вспомним, что писал уже Фрэнк: колдун «знает магию только с ее практической стороны. Он никогда не подвергает анализу мыслительные процессы, на которых основываются его действия, никогда не размышляет над заключенными в них абстрактными принципами» [5, с. 17].

Кроме всего, хотя симптоматику рефлексивности невозможно каким бы то ни было образом «отменить», ни извне, ни *изнутри*, нельзя не учитывать, что ее интенсивное проявление могло быть сдерживаемо и тем обстоятельством, что, зачастую, жрецами бывали лица, облаченные одновременно как сакральной, так и светской властью [5, с. 14]. По-видимому, нет оснований полагать, что люди времен сакрализации мифа были совсем непрактичны. И они тем более не могли не понимать, чем грозит им крамольное *недоверие* своему собственному «тугоумию». На то, что мы ныне называем конформизмом, спрос был всегда. Однако речь сейчас не о социальных зависимостях, пронизывающих умы индивидов и позволяющих обществу существовать, а как раз об обратном.

Думается, миф как одно из выражений сознания первобытного человека есть обязательно что-то псевдоархаическое по отношению к этому сознанию. Таким же точно образом «исследования, осуществленные в наше время этнологами и фольклористами, не могут претендовать на раскрытие процесса мифологического творчества» [2, с. 147]. Полагаем, что уже само, условно говоря, первое мировоззрение, т.е. всегда нечто канонизированное, было создано способностью сознания к сомнению как функции, что мы бы охарактеризовали как *самоподозрение*. Только то, что живет подобными парадоксами, т.е. создает в постоянной диалектической борьбе со своей же природой или ее частью нечто очевидно ей противоположное, и называется человеческим сознанием.

Именно эта борьба сознания, по-видимому, есть также антропологическая *история*, вернее, то, что составляет «ее положительный генерализованный отличительный признак» [7, с. 40]. А все остальное есть только или *до-сознание*, или условные обозначения сознания и спасительные попытки систематизации его содержания. Примеров последнему не счесть. Назовем хотя бы такие редуцирующие демаркации, как то же «мифическое сознание», «мифологическое», «религиозное», «философское», «научное» или теми же эпитетами награжденное «мышление». Но «мифичность», например, есть только одно из *предпочтений* сознания, а вовсе не какая-нибудь автономия, существующая вне связи с другими его склонностями.

Судя по всему, *развитие* сознания представляет собой что-то цельное. Даже если мы будем говорить о т.н. «расщепленном», «расколоте» и тому подобном сознании, нужно помнить о том, что эти определения не расчленяют на части саму эволюцию сознания. Так же как все краниологические показатели обретающего сознание существа менялись «совместно», так и становление самого сознания проходило нераздельно. Разные спецификации сознания могут превалировать по отношению к другим, но только при обязательной корреляции. Развиваться же разомкнуто и «по очереди» они, разумеется, не могут. Это пояснение не может быть здесь развито и научно аргументировано, но оно тоже служит ключом к тому, что мы говорим сейчас о «мифическом сознании».

Объективности ради необходимо напомнить, что и сам А.Ф. Лосев не исключал рефлексию из мифа совсем [1, с. 146]. Речь идет об одной из важных оговорок ученого, о которых мы упомянули выше.

Но это является лишь незначительным отступлением от генеральной идеи его книги, которую подхватили постепенно многие исследователи, что миф «до-рефлективен».

Эта идея представляется нам тем заблуждением, какое можно сравнить с недомыслием по поводу времени и источника происхождения логики. «Многим все еще кажется, – пишет Я.Э. Голосовкер, – что логику изобрел Аристотель. ...Логика по отношению к творческому мышлению не есть взятые в бетон берега реки, а само движение воды, ее течение» [8, с. 8]. Таким образом, «мифическое сознание», в «до-рефлективном» статусе, по отношению к сознанию выступает в роли «Великого Инквизитора», со всеми вытекающими отсюда «жреческими» последствиями для науки.

Миф как форма, репрезентирующая чувства, выражает относительно слабую интенсивность рефлексии, а вовсе не ее отсутствие. *Рефлексия – это прежде всего интеллигибельное обострение той или иной заминки или затруднения в практике*. Разве у первобытного человека отсутствовали препятствия в практике? Нет. Это было бы ненаучным допущением. Почему же цельно развивающееся сознание, пусть и отдающее предпочтение тому или иному мироощущению, связанному, в частности, с мифологией, т.е. уже с мировоззрением, должно быть лишено рефлексии?

Думается, даже при первых симптомах рефлексивности на *уже осознание* практики как неудовлетворяющей накладывался новый, отягощающий слой умственных реакций. Реализация практической жизни от этого только ухудшается. Имея предположение о повседневной жизни первобытного человека, можно представить, как опасна тогда могла быть зарождающаяся способность к такой двойственной критике. С другой стороны, более важным оказывается то, на наш взгляд, что, *обостряя неустраивающую практику до состояния проблемы, рефлексия зарождает возможность психотерапии и выхода из подавляющего креативность ступора*.

То есть миф стал *неумелой*, с рациональной точки зрения, реакцией на первое столкновение человека с рефлексией. Думаем, отсюда, а не из отсутствия рефлексии, как говорят об этом А.Ф. Лосев и другие, происходит очевидное игнорирование противоречий в мифе. *Миф есть первая или одна из первых попыток справиться с симптоматикой рефлексивности*. Пожалуй, самой первой и именно поэтому еще более радикальной реакцией на появление последней следует все же считать табу. Но это тема для отдельного разговора.

Возникновение в сознании первых импульсов рефлексии и вызвало аффект. Думаем, этим, а вовсе не предрефлексивностью мифа объясняется и его *аффективность* [1, с. 39], и его *энергичная* [1, с. 137] роль. Миф – аффективное реагирование на латентное для первобытного человека *сомнение* в своей состоятельности в природе, т.е. на только что заявлявшую о себе рефлексию. Все обескураживающее, в конце концов, может вызывать аффект и сегодня. Поэтому имманентную *адекватность* реакции, нашедшую отражение в мифе, легко объяснить в связи с состоянием современного сознания. Аффект и у современного человека возникает, когда его сознание сталкивается с

чем-то нестандартным, скрыто или очевидно угрожающим.

И эта реакция по необходимости должна была оказаться *решительной*, т.е. не только *а-*, но и *эффективной* по определению. Именно поэтому «логика мифа», о какой говорит Я.Э. Голосовкер, а Дж. Фрэзер называет «ошибочными представлениями о причинно-следственных связях» [5, с. 25], кажется здравомыслящему современному человеку столь фантастической. Ведь современный человек имеет дело с более «терпимыми» и «эффективными», рационально выясненными формами преодоления рефлексии, исторически появившимися позже мифа. Они стали возможны благодаря тому, в частности, что при помощи мифа зачатки рефлексии не только не получилось обуздать «раз и навсегда», а напротив, миф лишь больше развил и укоренил в сознании способность к рефлексии. И в этом тоже являет себя парадоксальность, а точнее, творческая сила собственно сознания.

Такую парадоксальную способность к творчеству, наблюдаемую в нашем сознании, отмечает, например, Я.Э. Голосовкер: «там, где в мире действительном проявляется причина и действие согласно законам естественной необходимости, там в мире воображения, в мифе, имеется в латентной форме основание и следствие, порожденные и связанные между собой только абсолютной свободой и силой желания, то есть творческой волей воображения, играющего роль естественной необходимости» [8, с. 17]. Об «абсолютной свободе» мы можем спорить, но данное здесь направление мысли нам близко.

Одна из необходимых целей мифотворчества (без всякого филистерского пренебрежения к этому слову) – сформулированное устранение коллизии, возникающей ввиду мнящейся человеку и пугающей его несостоятельности: в древнейшие времена, в архаических обществах преимущественно в т.н. «природной тотальности» (это – одна из ведущих идей культурной антропологии), теперь – преимущественно в социуме. При этом мы не хотим сказать, что миф есть следствие или прямое следствие только рефлексии, но лишь то, что он всегда есть попытка ее *консервации*. А множественные повторения мифических сюжетов в ритуальных действиях есть не что иное, как попытка *доусмирения* единожды уже «преодоленной» в процессе образования мифа симптоматики рифлексивности.

Отсюда роль мифа и может быть определена как *самоутверждение*. «Миф, – пишет А.Ф. Лосев, – есть не субстанциальное, но *энер-*

гийное самоутверждение личности» [1, с. 137]. Но ведь в самоутверждении нуждается не тот, кто действительно уже уверился в себе, а тот, кому только еще *надо* это сделать. При всем том в этом нуждается больше всего и чаще всего тот, кто именно и не имеет личностных данных для самоутверждения субстанциального. Тогда и приходит на помощь «энергийное самоутверждение».

Отложив, ввиду ограничений, накладываемых форматом статьи, все другие возможные доказательства от-рефлексивности мифа, покажем в заключительной части, как т.н. «мифическое сознание» вполне органично уживается не просто с зачатками рефлексии, предположенными нами у первобытных людей, но сосуществует с *критичностью и теоретизированностью* современного сознания. Иными словами, настаивая на том, что миф от-рефлективен, обратимся к такому примеру «мифичности» сознания, который призван показать, что она вполне понуждается к существованию именно с участием рефлексии и тесно контактирует с последней в сознании. И лишь напомним перед этим одно условие, которое нам кажется аксиоматическим: «независимо от того, когда образ создан, логика воображения работает одинаково» [8, с. 17].

В пенитенциарных учреждениях давно получил распространение *институт*, существующий только за счет «мифичности» нашего сознания. Часто почти безоговорочно веря в свою способность начать жизнь заново, заключенные отправляют на волю письма соответствующего, безапелляционного характера. Но прежде чем процитировать выдержки из подобного письма, сделаем некоторые замечания.

Во-первых, отправители этих писем пользуются зачастую услугами тех, кого можно назвать писцами. За небольшое вознаграждение (чай, сигареты) эти обычно полуграмотные люди напишут или помогут сочинить эмоционально насыщенное послание для женщины, которая только еще должна проникнуться мифом о новой *собственной* воле заключенного, которая в имманентной сущности своей есть воля *сверхъестественная*. Но важно заметить еще, что вне зависимости от того, кто сочиняет названные письма, у большинства *отправителей* не возникает сомнений по поводу своих *будущих* способностей. *Недействительную* силу своей собственной воли «проживают» (Лосев) словно *действенную*, как «мифический субъект» древности, большинство заключенных. Это относится даже ко многим рецидивистам.

Следует также сказать, что далеко не все заключенные колоний считают возможным для

себя отправлять на волю такие письма. Однако причина этому не в том, что они не верят в свою «сверхъестественную» волю. Напротив, среди них есть люди еще более искренне верующие в свою «будущую» волю, чем те, кто к таким приемам прибегает. И преходящая «мифичность» их сознания еще более *ортодоксальна*.

И поскольку «мифом пропитана вся повседневная человеческая жизнь» [1, с. 98], предлагаем вниманию характерные части данного письма. Передаем их с оригинальными ошибками в орфографии и пунктуации: «...Мне 30 лет.... Жизне-радостный, не люблю лжи и обмана. Для меня самое главное в жизни это взаимное понимание и честь и достоинство.<...>. Имею много специальностей, лесной – промышленности очень люблю природу, лес, одно время думал работать в лесничестве была хорошая вакансия «ст – егерь». Зарплата хорошая. в настоящее время имею 2 квартиры. Жилищно-финансово, обеспечен, не жалею.<...>. У меня одна цель в жизни. Это чтоб моя будущая семья, жена и дети не нуждались ни в чем. И была самая дружная, процветающая семья. Я <имя девушки-студентки. – В.Б.>, сам по себе человек веселый добрый, отзывчивый, люблю детей, радоваться жизни. Люблю классическую музыку, но и не отстаю от современной музыки.<...>. Много читаю, но в данное время без хорошей работы не куда. Зарплата, конечно маленькая здесь, но она мне нравится, в настоящее время зарабатываю (УДО), это (условно-досрочное-освобождение), дай бог – даст, может в Июле буду дома <...>. <Имя девушки – В.Б.> если бы я мог, в настоящее время переместится к вам, где вы находитесь, я бы завоевал ваше сердце и доверие ко мне...».

Попробовав применить метод, предложенный А.Ф. Лосевым в «Диалектике мифа» – «самому стать мифическим субъектом», – от чего автор статьи отказался в ее начале, обнаруживаем, что все благие намерения мы вместе с отправителем уже *осуществили*. Мы *совершаем* с ним кардинальную переменную. Даже не собираемся *пробовать*, но уже сделали полный переворот своей жизни. Она даже не *изменилась*, а стала совсем *иной!*

Вернемся, однако, к «корректному» методу, признанному нами выше. В письме много признаков «мифичности». Один из подходящих только что сказанному гласит, «для архаических обществ жизнь не может быть *исправлена*, она может быть *сотворена заново...*» [2, с. 40]. В письме, как и в архаическом мифе, находим «бунт против необратимости времени» и в то

же время этот бунт освобождает заключенного «от груза потерянного времени, давая ему уверенность, что он способен отменить прошлое, начать заново свою жизнь и воссоздать свой мир» [2, с. 142]. Это представляется нам личностной эсхатологией индивидуума, начинающего «с нуля».

Иными словами, в письме современного нам молодого человека, живущего в пору, когда рефлексия есть норма для любой более или менее здоровой личности, и иногда, даже в большей мере, для психопатологической, явно показано «энергичное самоутверждение», пронизательно подмеченное в мифе А.Ф. Лосевым. Несмотря на то, что на субстанциальное осуществление здесь есть только наша *надежда*, «энергично» все уже случилось. Но выйдя из колонии, отправитель столкнется с практикой, которая «вернет» его сознанию рефлексиию.

Самое же знаменательное для темы, что и до безоговорочной веры в «сверхъестественные» возможности письма отправитель обладал достаточно интенсивной рефлексией. Во многом благодаря ей он и попал в исправительную колонию. Можем предположить, что точно так же подпадал под воздействие «норм» совместного сосуществования первобытный человек, рискнувший нарушить тот или иной *запрет*. Важно, что *сознание*, далеко не «мифическое» в целом, *находит «поводы» для составления мифа*, а «мифологичность» актуализируется именно их <мифов – В.Б.> адаптацией к коллективному способу существования, если для этого представляется благоприятный случай» [9, с. 593]. Таким *поводом*, а не просто «инструментом» или средством и является рефлексия. То есть рефлексия создает повод для актов *ее* же избегания и устранения. Миф и есть один из подобных актов. Таким образом, он от-рефлексивен.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Академический Проект, 2008.
2. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010.
3. Кассерер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
4. Туровский М.Б. Философские основания культурологии. М.: Российская политическая энциклопедия, 1995.
5. Фрэнгер Дж.Дж. Золотая ветвь. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010.
6. Петров М.К. Античная культура. М.: Российская политическая академия, 1997.
7. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.

8. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

9. Леви-Строс К. Мифологии: Человек гольфий. М.: ИД «Флюид», 2007.

**TO A QUESTION ON «MYTHICAL CONSCIOUSNESS»:
WHETHER «UP TO-REFLECTION» A MYTH?**

V.V. Belyarov

From the rationalistic point of view genesis of a myth is considered. The hypothesis appealing to the statement of A.F. Losev, that a myth is offered «up to – is reflective». In opinion of the author of article, such concept about a myth deprives its conceivable source. In fact position, that a myth more primarily reflections, should lead to the conclusion, that a myth has a supernatural origin. Or – the myth generates itself. The first means so-called «a pseudonym of the god», the second – is absurd. Essentially other position in relation to an origin of a myth requires introduction of original terminology. Attempt to give (or «to return») to an origin of a myth «naturalness» leads to understanding, that its nature *from-reflective*. Differently, the myth results from and, so to say, denying *symptoms reflexivity*. Probably, such symptoms were initially inherent in the person reasonable. But becoming means of struggle with symptoms reflexivity, the myth at the same time in the paradoxical image leads to its intensification. It is represented to one of the positions treating actually cultural progress.

Keywords: myth, up to-reflective, from-reflective, symptoms reflexivity.